

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ НАЧАЛА XX в.: ПРОЕКТЫ И РЕФЛЕКСИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ТОМСКА (1905 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта совместного конкурса РГНФ и Администрации Томской области, проект №12-11-70007 «Личность, общество и власть в революции и гражданской войне (на материалах Томской губернии)».

Рассматриваются проекты реорганизации государственной власти, предлагавшиеся либералами Томска в начале XX в. Прослежено влияние событий революции 1905–1907 гг. на политические позиции либерально ориентированной интеллигенции и ее представления о степени готовности российского общества к реформированию государственного строя. Выявлено инвариантное ядро в либеральной трактовке содержания и технологии политической модернизации, определявшееся ориентацией на формирование правового государства легитимными методами.

Ключевые слова: политическая модернизация; правовое государство; либерализм.

Особенности российской модернизации, ее связь и сложное переплетение с революцией остаются одной из центральных проблем в отечественном и зарубежном научном дискурсе. Возможности существенного расширения исследовательского пространства связаны с применением историко-антропологического измерения, позволяющего учитывать многообразие ценностных установок, психологических реакций, мировоззренческих позиций, социальных ожиданий и политических предпочтений различных слоев общества в начале XX в.

В этом плане представляет интерес обращение к изучению восприятия и осмысления сложностей и противоречий процесса политической модернизации интеллигентским инициативным меньшинством, придерживавшимся либерального образа мыслей. Достигнув интеллектуальной зрелости, российский либерализм в начале XX в. имел ограниченный выход в сферу практической реализации разработанной в деталях модели общественного развития. Тем не менее и весьма непродолжительный опыт политической модернизации дал богатую пищу для размышлений по поводу перспектив либеральной альтернативы в России. При этом разработка проектов реформ, осмысление шансов на их реализацию, оценка издержек и последствий, попытки найти приемлемые сценарии политического поведения в условиях крайней поляризации общества были жестко спрессованы во времени. Оценка надежд, тревог, фрустраций либеральной интеллигенции в столь сложной и насыщенной противоречиями ситуации, определение направленности и глубины трансформации позиций либералов по вопросу о возможностях и перспективах реорганизации форм государственной власти представляют самостоятельный исследовательский интерес и вместе с тем могут способствовать комплексной исторической реконструкции социокультурной среды, обусловившей специфику модернизации в России.

Приусая либералам убежденность в том, что только государство, стоящее на страже общественного интереса, может провести реформы средствами, исключая произвол, нарушение законности, обусловило приоритетное внимание к проблемам реорганизации властных структур. Стимулом к интенсивной разработке проектов политических реформ для них стал рескрипт 18 февраля 1905 г. на имя министра внутренних

дел А.Г. Булыгина о создании законосовещательного органа.

Абрис предполагаемых изменений в политическом устройстве к этому времени уже определился. В январе 1905 г. на собрании профессоров и преподавателей Томского технологического института (ТТИ) было принято следующее постановление: «Необходимым и неизбежным условием мирного выхода из настоящего безвременья является обеспечение правового порядка, состоящего в неприкосновенности личности и жилищ, свободе совести, слова, печати, собраний, союзов, в уравнивании общегражданских и политических прав всех лиц без различия сословия, нации, вероисповедания и пола, независимости суда, участия свободно избранного народного представительства в осуществлении законодательной власти и в контроле над администрацией». Излагая фактически программу политической модернизации России, преподаватели ТТИ подчеркивали, что она отражает их искренние убеждения, сформировавшиеся в течение последнего десятилетия на основании наблюдения всех явлений русской жизни [1. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1073. Л. 18].

С изданием же рескрипта 18 февраля 1905 г. появилась возможность обсуждения деталей государственного переустройства, связанных, прежде всего, с вопросом о принципах формирования и полномочиях органа народного представительства. В резолюциях томских обществ взаимопомощи учащим и учившим [1. Ф. 6000. Оп. 1. Д. 70. Л. 4], попечения о начальном образовании [2. Ф. 3. Оп. 3. Д. 6099. Л. 12], а также юридического общества [1. Ф. 6000. Оп. 1. Д. 76. Л. 1] были сформулированы предложения о наделении представительного органа функциями законодательной власти, рассмотрения и утверждения государственного бюджета, контроля над исполнительной властью. Последовательно проводя принцип разделения властей, юридическое общество высказывалось также за «строгое отделение законодательной власти от судебной, за независимость и несменяемость» представителей судебной власти [3. 1905. 12 апр.]. Подобные предложения обнаруживали стремление либералов к конституционно-монархической форме правления.

При этом в стане либералов обнаружились некоторые разногласия по вопросу о процедуре формирования органа народного представительства. Так, юридическое общество Томска на заседании 10 апреля 1905 г.

высказалось за всеобщее, равное и тайное избирательное право, предложив, однако, ввести систему двухстепенных выборов и оставив открытым вопрос об избирательных правах женщин [3. 1905. 12 апр.]. Профессор Томского университета М.Н. Соболев считал необходимым рассматривать двухстепенную систему выборов исключительно как промежуточную стадию на пути к полному осуществлению общего избирательного права и принять ее на ограниченный срок (например, на 10 лет). Преимущества и целесообразность этой системы профессор видел в создаваемых ею возможностях предотвращения избрания «случайных» лиц. Собрания выборщиков земств и городов, обмен мнениями должны были способствовать выдвижению «наиболее даровитых» кандидатов и сознательному избранию «лучших» и «достойнейших» из них. При этом М.Н. Соболев рассчитывал, что за время действия двухстепенной системы выборов «население получит ясное представление о новой реформе, сложится в определенные группы, уяснит себе свои желания и интересы, выработает программы деятельности, вообще войдет вполне сознательно в активную общественную жизнь» [3. 1905. 9 марта]. Формирование зрелого гражданского сознания создало бы, по его мнению, необходимые предпосылки для перехода к системе непосредственных выборов населением своих представителей. Такая позиция выглядела вполне логичной в рамках либерального типа мышления, предполагавшего постепенность и поступательность в процессе общественных преобразований и необходимость «внутренней» подготовки граждан к участию в политической жизни. Впрочем, у М.Н. Соболева имелись оппоненты. Например, его будущий коллега по кадетской партии профессор ТТИ В.Л. Некрасов считал, что предлагаемая М.Н. Соболевым «на первое время» система двухстепенных выборов, напротив, «может дать собрание, значительно менее (чем прямое избрание. — *О.Х.*) отражающее интересы избирателей» [Там же. 13 марта].

Объединение сторонников либерального варианта общественного переустройства в рядах отдела кадетской партии, созданного в ноябре 1905 г., придало большую определенность их политическим позициям. При разработке программных положений по вопросу об организации власти томские либералы проявили некоторую самостоятельность, отказавшись от простого копирования соответствующих разделов общепартийной программы. В программе, принятой на учредительном съезде партии, вопрос о форме правления фактически остался открытым в силу неопределенности избранной формулировки: «Конституционное устройство Российского государства определяется основным законом». Содержание остальных пунктов раздела «Государственный строй» допускало возможность маневра в сторону как парламентарной республики, так и конституционной монархии [4. С. 60–61]. В программе же кадетов Томска, принятой на учредительном собрании 25 ноября 1905 г., провозглашалась однозначно: «Верховная власть в государстве Российском принадлежит Государю Императору и Государственной Думе» [5. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 31]. Приверженность кадетов идеалу конституционной монархии основывалась прежде всего на убежденности в психологическом

отторжении большинством населения России республиканской формы правления как не соответствующей его правосознанию и традициям, в присущем народным массам, и особенно крестьянам, восприятию государства и государственного единства исключительно в форме монархии [3. 1905. 23 дек.]. Неприятие республиканской формы правления для России, основанное на центральном постулате либеральной концепции общественного прогресса — идее преемственности, сразу же стало важным компонентом политической платформы кадетов Томска.

Основным гарантом укрепления конституционного порядка кадетам представлялась Государственная дума как собрание представителей всего народа. Круг полномочий, которыми томичи считали необходимым наделить Государственную думу для выполнения этой миссии, в общих чертах совпадал с намеченным официальным руководством партии. Программа местной кадетской организации в унисон с требованиями общепартийной программы включала в компетенцию собрания народных представителей участие в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов, в контроле за законностью и целесообразностью действий высшей и низшей администрации. Вместе с тем в определении кадетами Томска функций Государственной думы проявилось несколько более широкое их толкование: томский отдел включил в свою программу дополнительное требование наделяния народных представителей правом решения вопроса о войне и мире, являвшегося prerogative императора [5. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 31].

Общим для программных документов местных кадетов и официальной программы партии являлось требование ответственности министров перед собранием народных представителей. Однако и в этом случае, излагая свою позицию, томичи сочли целесообразным внести в общепартийную программу принципиальные дополнения. Так, бюро томского отдела кадетской партии в мотивированной записке II Всероссийскому партийному съезду обратило внимание на необходимость, с целью большего развития демократических начал в программе, включить пункт о назначении министров из большинства Государственной думы, что должно было привести организацию этой палаты в соответствие с духом парламентарной системы [5. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 16]. Подчеркнутое стремление к гарантированной реализации принципа ответственности исполнительной власти в полном объеме не было случайным. Большинство проблем и бед в политической и социально-экономической сферах кадеты связывали с бесконтрольностью бюрократии, чиновничьей опекой и произволом. При этом сибиряки пороки бюрократической системы управления воспринимали, по видимому, даже более обостренно, чем официальное руководство партии и кадеты центра, поскольку в силу целого ряда политико-юридических дискриминационных ограничений царизма в отношении региона чиновничье самоуправство здесь было особенно демонстративным. Программное закрепление позиций по принципиальным вопросам организации государственной власти не привело к прекращению дискуссий, столь естественных для либерально мыслящей интеллиген-

ции. Поводом для обсуждения нюансов стала необходимость определить свое отношение к санкционированным властями процедуре избрания и форме организации народного представительства.

Предметом разногласий среди томских кадетов являлся вопрос о предпочтительности организации народного представительства в виде одной или двух палат (общепартийная программа допускала свободу мнений в этом отношении). Большинство смирилось с правительственным проектом создания Государственного Совета, ограничивавшим и без того скромные права Государственной думы. Однако некоторые кадеты все же не оставили попыток обосновать преимущества однопалатного народного представительства, с которым связывали перспективы конституционного развития России. Так, профессор Томского университета И.А. Малиновский считал по меньшей мере неуместным создание Государственного Совета (особенно в том виде, какой предполагал закон 20 февраля) в тот исторический момент, «когда на очереди стоит вопрос о ликвидации самодержавно-бюрократического и крепостнического режима и об обновлении русской жизни на началах свободы, права и социальной справедливости». По его мнению, Государственный Совет не мог содействовать этому обновлению и был способен лишь систематически препятствовать работе народного представительства. Своеобразным утешением для И.А. Малиновского, отвергавшего целесообразность создания этого института политической власти, служила убежденность в его мертворожденности и неминуемом упразднении с водворением в России конституционного строя [6. 1906. № 13. С. 10]. Более умеренную и взвешенную позицию, продиктованную соображениями реальной политики, занял по этому вопросу профессор ТТИ Н.В. Некрасов. Разделяя в целом отрицательное отношение к верхней палате вообще и к ее «нынешней» организации в России в особенности, он все же придерживался мнения, что «верхняя палата, какова бы она ни была, является одним из факторов политической эволюции страны, и было бы ошибочно отказываться заранее от возможности влиять на ее решения» [7. С. 108].

Разногласия обнаружились также в связи с обсуждением вопроса о возможности и целесообразности участия в выборах Государственной думы, которые в соответствии с избирательным законом 11 декабря 1905 г. являлись многоступенчатыми и неравными. И общепартийная программа, и документы местных кадетов содержали требование всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов на выборах в Государственную думу. Способность Думы, созываемой на основе антидемократического закона, обеспечить становление правового строя, вызвала серьезные сомнения. На собрании 1 января 1906 г. представители левого фланга томской кадетской организации решительно высказались против участия партии народной свободы в деятельности Государственной думы «ввиду совершенной несостоятельности закона 11 декабря». Их оппоненты, разделяя критическое отношение к избирательной системе, тем не менее, полагали необходимым приступить в скорейшем будущем к созидательной государственной работе, а потому предлагали восполь-

зоваться имевшимися возможностями предвыборной агитации для делегирования в Думу своих представителей. При этом предполагалось, что депутаты ПНС должны добиваться наделения Государственной думы учредительными функциями, что позволило бы принять демократическую конституцию [3. 1906. 3 янв.]. Оживленные прения по данному вопросу затянулись и продолжились на собрании 3 января. В конечном итоге «бойкотисты» Думы остались в меньшинстве и верх одержала позиция «умеренных» [Там же. 5 янв.]. Такой финал дискуссии представляется вполне закономерным с учетом ориентации либералов на использование легитимных методов политической деятельности и эволюционный сценарий совершенствования институтов государственной власти.

Впрочем, предпринятый тактический маневр не означал принципиального отказа от программных принципов. В преддверии выборов во II Государственную думу кадеты Томска вновь настаивали на проведении их в соответствии с четырехчленной формулой своей программы, особо подчеркивая важность предоставления избирательного права рабочим Сибири, отстраненным от выборов I Думы. Специально оговаривали они и необходимость не допустить препятствий со стороны «разных больших и маленьких администраторов» к устройству предвыборных собраний и стеснения свободы таковых «положениями» и «охранами». В осуществлении этих требований усматривались гарантии избрания Думы, способной явиться «действительной выразительницей народных интересов» [6. 1906. № 21. С. 1].

Однако революция 1905–1907 гг. внесла существенные коррективы в представления либерально настроенной интеллигенции о готовности широких слоев населения к участию в формировании органа народного представительства. Острота социальной и политической конфронтации, проявившаяся в использовании средств, не имевших ничего общего с ценностями легитимности и правопорядка, стала серьезным поводом для сомнений в возможности реализации либерального идеала общественного устройства в ближайшей перспективе.

В сентябре 1907 г. во вступительной лекции для студентов первого курса юридического факультета Томского университета профессор И.В. Михайловский не удержался от горестной констатации: «...современная Россия побила рекорд в смысле озверения... Такой вакханалии зверя в человеке история еще не знает, это период совершенно исключительный, если не забыть о том, что он имеет место в XX столетии» [8. С. 17]. С болью писал об «эпидемии кровопролития» в стране и И.А. Малиновский. По его глубокому убеждению, такая цель, как борьба против произвола и гнета власти, не могла служить оправданием для использования революционных методов. И.А. Малиновский отмечал: «Никакими доводами разума нельзя оправдать применения насилия теми, которые ведут борьбу против насилия. Нельзя принципиально отрицать насилие и в то же время сознательно прибегать к насилию, пользоваться им как средством для достижения заранее поставленной разумной цели» [9. С. 22]. Вместе с тем И.А. Малиновский ставил вопрос и об ответственности за «эпидемию кровопролития» правительства, приме-

няющего смертную казнь, широко использующего не гарантирующую правильного судопроизводства практику вынесения приговоров военно-окружными и военно-полевыми судами, поощряющего действия карательных отрядов. В революционном терроре И.А. Малиновский не видел оправдания действиям правительства, считая, что акты мести со стороны могущественного государства, располагающего громадными силами войска и полиции, заслуживают лишь глубокого порицания [9. С. 80, 82, 84, 92, 96, 122, 123; 10. С. 208–209].

Отторжение насилия и приверженность исключительно эволюционным методам политического и социального переустройства делали для либералов равно неприемлемыми правительственные репрессии, черносотенные погромы, террористические акты и любые проявления революционаризма. Однопорядковыми проявлениями «вакханалии зверя в человеке» считал И.В. Михайловский «с одной стороны – карательные отряды, сожжение деревень, бомбардировку городов, расстрелы, виселицы, административный произвол, достигший Геркулесовых столбов; далее – погромы, бесчинства различных «патриотических» организаций, а с другой стороны – бомбы, браунинги, массу политических убийств, грабежей и другие возмутительные проявления человеческой дикости, совершаемые ввиду отвратительного принципа: цель оправдывает средства» [8. С. 4].

Ярко выраженная конфронтационность в настроениях и действиях различных политических сил, «невероятное взаимное озлобление фанатиков различных партий» породили серьезные опасения либералов по поводу возможных катастрофических последствий. И.В. Михайловский видел в них угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы» [8. С. 4, 17]. Обращал внимание на негативное этическое и моральное воздействие практики насильственных методов и И.А. Малиновский, предрекавший в случае ее продолжения гибель нравственного чувства, высоких альтруистических порывов в человеке [11. С. 126; 12. С. 97].

Осмысление уроков первой российской революции стало основой для корректировки позиций либеральной интеллигенции в оценке возможных ближайших перспектив реорганизации государственной власти. Показательно в этом плане отношение либералов Томска к избирательному закону 3 июня 1907 г., значительно сократившему круг избирателей и обеспечившему явные преимущества на выборах для избирателей с высоким имущественным цензом. Прежний избирательный закон, обеспечивший делегирование во II Думу социал-демократов от Иркутска, Красноярска и Омска, они считали несовершенным. В этом смысле закон от 3 июня выглядел в их глазах более предпочтительным, поскольку гарантировал преимущество на выборах «культурным, устойчивым в общественном отношении классам, увеличивая число выборщиков от них в избирательных собраниях по сравнению с представителями некультурных классов, перевес которых на первых и вторых выборах имел следствием переполнение Думы

депутатами, совершенно неподготовленными к пониманию дел государственного управления и в значительной их части лишенными самого элементарного образования». Новый избирательный закон, по мнению томских либералов, открывал возможности думской деятельности для лиц, «имеющих уже опыт местного самоуправления и привыкших к мирной спокойной работе». Ограничение же избирательных прав демократических слоев населения компенсировалось, на их взгляд, обеспечением известного обязательного минимума представительства каждому классу населения – землевладельцам, крестьянам, городским жителям и рабочим [13. С. 134, 135, 138].

Положительная оценка нового избирательного закона стала одним из проявлений отказа либеральной интеллигенции от эйфории в оценке возможностей реализации политических реформ на основе демократических принципов. При этом либерально ориентированное интеллектуальное меньшинство не ограничилось констатацией неготовности российского общества к демократическим формам государственного устройства и обратилось к серьезным теоретическим изысканиям в поисках истоков кризиса правосознания и возможных ответов на вызовы времени с учетом отечественной специфики.

На основе анализа фактов истории и философского изучения природы и сущности государства И.В. Михайловский пришел к глубокому убеждению в антинаучности распространенных в начале XX в. прогнозов эволюции форм государственного устройства в направлении окончательного торжества демократии. По его мнению, идеи Руссо и Монтескье, предопределившие основное содержание политической теории XIX в., проявили полную несостоятельность. Несмотря на то что сформулированная Монтескье идея представительства находилась в непримиримом противоречии с учением о народном суверенитете, развитием Руссо в «общественном договоре», их объединяло ошибочное представление о возможности выражения общей воли. Основным догматом теории Руссо являлся тезис о государстве, построенном на общей воле народа (понимаемой как согласие народа в его целом относительно общих предметов), а потому способном быть священным отражением незыблемой правды. В свою очередь Монтескье, отрицая идею народного суверенитета ввиду непригодности народа к обсуждению государственных дел и принятию справедливых решений, склонен был видеть в законодательной власти не общую волю народа, а общую волю государства, выражать которую призваны наиболее подготовленные к этому трудному делу лица. При этом задачей представительного собрания должно было стать не следование уже имеющейся и ясной народной воле, а ее нахождение и истолкование совершенно самостоятельно и независимо от народа.

И.В. Михайловский не мог согласиться с общим для двух столь различных теорий тезисом «источник общей воли – общественное мнение», так как последнее является «1) непрочным и неустойчивым, 2) неопределенным и неясным и 3) не охватывающим область политических вопросов во всей полноте их практической постановки». Эти специфические характеристики, пре-

вращавшие общественное мнение в фантом, выводили на признание чрезвычайной важности: «Каждый из органов, претендующих на выражение общественного мнения, всегда исходит не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть». Поэтому И.В. Михайловский был отнюдь не склонен воспринимать депутатов парламента, вырабатывающих так называемую «общую волю» совершенно независимо от своих избирателей, как эхо голоса народа, тем более что фактически в этом процессе преобладающую роль играют лишь немногие члены парламента при пассивном отношении остальных. С другой стороны, и ссылки на народный суверенитет в раздававшихся протестах против парламентской олигархии, лишавшей народ верховных прав, И.В. Михайловский считал пустой декламацией, усматривая в аргументации авторов этих протестов свидетельства того, что и они основываются не на фактическом волеизъявлении народа, не на общественном мнении, а на тех или иных принципиальных позициях (личного свойства или же созвучных определенным партийно-политическим установкам и догматам) [14. С. 18–21].

Подобные рассуждения привели И.В. Михайловского к убеждению в невозможности ориентироваться в поисках верховного принципа государственной власти на народную волю как таковую, а следовательно, в необходимости сведения ее к другим высшим началам. Для него, как либерала, началом, ограничивающим всемогущество этой воли, являлась личность с ее абсолютным значением, выведенным из высшего этического порядка, стоящего над государством [14. С. 21]. Признавая личность исходным понятием для определения конструкции государства, он обращал внимание на эволюцию этого понятия с конца XVIII века и обусловленное ею изменение содержания понятий «свобода» и «равенство».

Первоначальному представлению о личности в ее родовом понятии, общей и отвлеченной основе, одинаковой у всех людей, соответствовало восприятие свободы как права участия личности в народном суверенитете (т.е. как политической свободы. – *О.Х.*), а равенства – как принадлежности этого права всем в одинаковой мере. Такое понимание позволяло утверждать возможность полной гармонии между личностью и государством, а также внутреннего единства начал свободы и равенства, что, в свою очередь, давало основания для отождествления по существу ценностей либеральных и демократических. Изменение содержания понятия «личность», восприятие личности во всей полноте индивидуальных проявлений привело к расширению понятий «свобода» и «равенство». Эволюция теории индивидуализма нашла выражение в осознании существенных различий между началами свободы и равенства. Политическая мысль XIX в. обнаружила, что так называемая политическая свобода есть только средство для охраны индивидуальной свободы, личной независимости, ее гарант. Демократическое начало равенства, в свою очередь, стало толковаться его страстными приверженцами как всеобщее уравнивание во всех отношениях. Такая трактовка заставила либералов, считавших возможность самобытного, оригинального развития каждой отдельной личности вели-

чайшей ценностью, увидеть в демократии серьезную опасность для личной свободы. Не случайно И.В. Михайловский считал пророческими пессимистические предсказания Спенсера о грядущем рабстве для человека как следствии всеобщей демократизации, т.е. развития принципа равенства [14. С. 21–23].

В рассуждениях И.В. Михайловского о сущности эволюции теории индивидуализма кроются глубинные причины неприятия многими либералами конца XIX – начала XX в. демократической системы ценностей. Если либерализм базировался на идеях приоритета отдаленно взятой личности, ее основополагающих прав и свобод, то демократия предполагала суверенитет или верховенство народа, политическое (по меньшей мере) равенство всех граждан, приоритет воли большинства. Обозначая демаркационную линию между либерализмом и демократией, П.Б. Струве писал: «...либерализм утверждает свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, в том числе и против народовластия, или демократии», которая и означает «государственное устройство, основанное на признании народовластия» [15. С. 131].

Впрочем, считая демократию худшей из всех чистых форм государства, И.В. Михайловский рассматривал ее в качестве неперменного компонента идеального государственного устройства. На основе философского изучения сущности государства идеалом ему представлялось «гармоническое сочетание монархии, аристократии и демократии». А из оценки монархии как лучшей чистой формы государства следовал вывод: «Такое сочетание должно быть произведено на основе монархического начала» [16. С. 600].

Приверженность монархическому принципу власти являлась в российском либерализме «наследственной»: либералы новой формации восприняли ее от своих предшественников. И.В. Михайловский был уверен в правоте Б.Н. Чичерина, считавшего, что только монарх может обладать наиболее возможными для человека гарантиями беспристрастия, а потому только он один может возвыситься над всеми, примирять все интересы и иметь в виду единственно благо страны. Однако если для «дворянских либералов» было характерно неприятие конституции, объяснявшееся, в частности, широким использованием идей конституционализма в 60–70-е гг. XIX в. аристократической оппозицией самодержавию с целью компенсации сословных привилегий за утрату крепостного права, то их последователи в начале XX в., напротив, скептически относились к идее самодержавия, противопоставляя ей принципы конституционного устройства [17. С. 134; 18. С. 134].

Признавая ряд ценных качеств и великие исторические заслуги абсолютной монархии [16. С. 600], И.В. Михайловский тем не менее не считал возможным возвращение к старым формам абсолютизма. Он подчеркивал: «...история не повторяется и раз пережитая государственная форма уже не может никогда возродиться. Она была пригодна и необходима на известной ступени культуры, для известного уровня развития личности, и раз эти условия больше не существуют, ее нельзя вернуть к жизни» [14. С. 17]. Реагируя на вызовы времени, И.В. Михайловский призывал к смягчению «темных сторон» монархии конституцией с

народным представительством. Монархическая власть, по его мнению, должна была являться четвертой властью наряду с законодательной (парламент), исполнительной (министры) и судебной [19. С. 35].

Вместе с тем И.В. Михайловский считал вполне допустимым в порядке исключения из общего правила, оценивающего всякое нарушение конституции монархом с точки зрения права как зло, издание противоречащих конституции законов. Такое исключение оправдывалось, на его взгляд, неспособностью существующего порядка обеспечивать доброкачественность законов, несовершенством современной парламентской системы, а также первостепенностью значения содержания (материальной стороны) закона по сравнению с его формальными сторонами (т.е. порядком установления). Учитывая все эти обстоятельства, И.В. Михайловский писал: «...бывают такие кризисы в государственной жизни, когда монарх, как верховный охранитель общего блага, обязан ради избежания гораздо большего зла совершить меньшее и пожертвовать формой ради содержания. Мы получаем закон, соответствующий всем материальным признакам установленного наукой понятия, но не вполне соответствующий формальным. Это несколько не мешает такому акту верховной власти быть законом» [16. С. 294].

В этих рассуждениях, демонстрировавших непоследовательность в реализации идеи верховенства закона в качестве высшей ценности среди принципов государственного устройства, просматривается влияние традиций русского либерализма 50–70-х гг. XIX в. с присущим ему упованием на исторически сложившуюся власть монарха как главного стража общественного блага в случае опасной разбалансировки гражданских интересов. Вместе с тем отмеченный когнитивный диссонанс во многом был обусловлен реакцией правоведа на конкретно-историческую ситуацию в России начала XX в.

Позиция И.В. Михайловского, допускавшая возможность принятия монархом законов по своему усмотрению, контрастировала с заявленным в программе томского отдела партии народной свободы в ноябре 1905 г. положением: «Ни одно постановление, распоряжение, указ и т.п., не основанные на постановлении Государственной Думы, от кого бы они ни исходили, не могут иметь силы закона» [5. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 31]. И после революционных потрясений 1905–1907 гг. большинство либералов были не готовы отказаться от своих конституционных идеалов. С резкой критикой приведенных утверждений И.В. Михайловского выступил профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский. В рецензии на «Очерки философии права», в которых и были изложены эти утверждения, он обратил внимание на противоречивость позиции автора, «вся книга которого проникнута идеей господства права», и однозначно резюмировал: «Во всяком случае, защита автором противоконституционных законов теоретически неправильна, практически опасна, исторически ошибочна» [20. С. 294].

Ситуация, сложившаяся в стране после первой революции, дала определенный импульс для кристаллизации убеждений томской либеральной интеллигенции, в результате которой были четко определены ключевые

принципы политической реорганизации общества, составившие инвариантное ядро в либеральной системе мировоззренческих координат. Редакция местной либеральной газеты «Сибирская жизнь» констатировала в статье с характерным названием «Итоги»: «Революционный пыл прошел, крайности революционных увлечений сгладились, мысль приняла более реальное направление, и неопределенные мечтания, под влиянием уроков неумолимой действительности, приняли форму определенных идеалов, которые мыслятся... как нечто необходимое, без чего жить и развиваться нельзя» [3. 1909. 11 янв.].

Основополагающим ориентиром в совершенствовании форм государственной власти для либералов неизменно оставалось стремление к обеспечению ее правового характера в целях предоставления наибольших возможностей для ограждения неприкосновенности и свободы личности и создания условий для ее развития и совершенствования. Именно идея правового государства определяла суть их политических предпочтений. Нюансы же в трактовке этой идеи в известной мере были связаны с различиями в акцентах, продиктованных, в частности, спецификой научных интересов разрабатывавших ее теоретиков.

Профессор кафедры финансового права Томского университета экономист М.И. Боголепов особое внимание при определении сущности правового государства уделял таким его внешним признакам, как обладание населения двумя видами публичного права: народ имеет право участия в законодательстве и право регулирования государственного хозяйства, т.е. бюджетное право. Подчеркивая, что обе разновидности права одинаково важны и существенны для конституционного правового государства и что отсутствие или уменьшение одного из них уродует весь государственный строй, он так пояснял свою мысль: «Если народ через своих представителей законодательным путем определяет содержание, характер и направление государственной деятельности, если тем же самым путем определяются взаимные отношения государства и общества, государства и индивидуума, – то по необходимости избирается тот же законодательный путь для определения и того, как и чем питается государственная деятельность, те материальные средства, при помощи которых достигаются различные государственные цели и задачи» [21. С. 27]. В результате единство двух названных видов публичного права населения выступало в конституционном государстве основой для принципиально нового (по сравнению с абсолютной монархией и сословным государством) соотношения закона и указа, законодательства и управления. Суть этого соотношения должна была заключаться в их разделении и вместе с тем в подчинении управления законодательству. Управление и финансы включаются в компетенцию верховной власти, а за народным представительством признаются prerogative руководящей власти законодательства.

Пристальное внимание либерала к выявлению сущности и значения конституционного бюджетного права не было случайным. Ссылаясь на единогласные свидетельства теоретиков, изучавших опыт применения

бюджетного права, он считал это право «первым признаком политической свободы». По мнению М.И. Боголепова, практика западных государств показала, что только при наличии конституционного бюджетного права, свободно осуществляемого народным представительством в парламентской форме, возможен действительный контроль над действиями власти, особенно в расходовании государственных средств. В свою очередь, контроль за расходованием государственных денег воспринимался им в силу «осязаемости» самого предмета контроля как подлинный критерий развития политической свободы [21. С. 34, 47].

Таким образом, идея «конституционных финансов» и требование обеспечить бюджетное право населения приобретали по сути политическое звучание, поскольку предполагали в качестве обязательных составляющих правового государства принцип разделения законодательной и исполнительной властей и принцип ответственности последней перед первой. К тому же преимущества бюджетного права М.И. Боголепов усматривал и в том, что оно гарантировало соблюдение основных законов и автономность государства: «...страны, обладающие этим правом, или автономны, или находятся на пути к автономии» [21. С. 48]. Примеры, которые он приводил в подтверждение наличия зависимости твердого конституционного правопорядка от обеспеченности бюджетного права, не оставляют сомнений по поводу того, что понятие «автономия» в данном случае использовалось как аналог правового государства в противовес «гетерономии», которой соответствует государство патерналистское.

Признание необходимости создания оптимальных условий для развития и совершенствования личности, реализации индивидуальных творческих потенций являлось исходным пунктом теоретических рассуждений И.В. Михайловского о «надлежащей организации государственной власти со всеми ее разветвлениями». На основе глубокого изучения политической теории специалист в области философии права пришел к выводу, что необходимыми элементами государства являются власть, закон, свобода и общая цель, идея – «гармоническое сочетание всех элементов общежития и руководство общими интересами для достижения общего блага» [19. С. 33]. При этом к числу основных политических гарантий правопорядка он относил следующие: «надежная система взаимных сдержек и контроля, препятствующая различным органам власти нарушать права граждан; широкое развитие местного самоуправления, надлежащая организация законодательного учреждения; создание стоящей на высоте своей задачи бюрократии» [16. С. 598, 600]. Основное назначение такой организации заключалось в сведении к минимуму опасности вырождения власти в «голый деспотизм» и обеспечении добросовестного исполнения всеми органами власти своих обязанностей и уважения с их стороны к правам граждан.

Предлагая свои варианты реформирования государственной власти в направлении обеспечения ее правового характера, либералы учитывали уроки революции 1905–1907 гг., наглядно продемонстрировавшей отсутствие сколько-нибудь развитого правосознания в об-

ществе. Они вполне отдавали себе отчет в том, что формально-правовые установления в подобной социокультурной среде лишены смысла и не способны сколько-нибудь изменить реальное положение вещей. И.В. Михайловский отмечал: «Никакие бумажные конституции, никакие законы не могут перевоспитать общество, веками воспитанное в атмосфере бесправия. Только сильно развитое чувство законности, уважение к личности, уважение к праву создают крепкий надежный фундамент государственного строя, и это настроение, господствующее в обществе, гораздо надежнее охраняет правопорядок, чем томы законов, бессильно стоящих на полках библиотек и присутственных мест» [14. С. 9].

В признании чрезвычайной значимости формирования и развития как правовой, так и общей культуры населения для обеспечения прочного правопорядка в государстве теоретики либерализма проявляли полное единодушие. Чрезвычайно актуальной считал задачу национального воспитания Н.Я. Новомбергский. Констатируя, что «партийная обработка населения так же, как насаждение полицейского национализма, дает прискорбные всходы, если сталкивается с людской пылью, с безликой массой», он был убежден в возможности разумного противодействия и твердого отпора только со стороны граждан, «осознавших великое прошлое нашего отечества и великие задачи, ему еще предстоящие во всемирной истории» [22. С. 9]. На необходимость дополнения коренных реформ политического и социального строя на основе свободы, права и социальной справедливости «разнообразным и разносторонним воздействием на природу человека в целях укрепления идей человеческой солидарности, высокой ценности человеческой личности, святости и неприкосновенности человеческой жизни, тех идей, которые лежат в основе нового строя» обращал внимание и И.А. Малиновский. «При помощи мер социального воспитания нужно подготовить человека к новому государственному и общественному строю», – подчеркивал он [11. С. 145]. Сущностной же характеристикой нового государственного строя И.А. Малиновский, как и его коллеги, считал разделение власти исполнительной и законодательной при подчинении управления закону. [11. С. 136, 145].

Таким образом, как основные принципы совершенствования форм государственной власти, так и методы их реализации, предлагавшиеся представителями либерально мыслящей интеллигенции, оставались неизменными, определяя сам стиль их политического мышления. Ставя цель формирования правового государства, теоретики допускали использование лишь легитимных и легальных средств и методов, которые предполагали проведение реформ в сочетании с активной культурно-просветительской деятельностью по развитию национального самосознания и подготовке граждан к разумной, компетентной и ответственной деятельности для создания и поддержания правопорядка. Инвариантное ядро в либеральной трактовке содержания и технологии политической модернизации сохранило свою целостность в условиях революционных потрясений начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Центр* документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО).
2. *Государственный архив* Томской области (ГАТО).
3. *Сибирская жизнь*. Томск.
4. *Полный сборник платформ* всех русских политических партий. СПб., 1906.
5. *Государственный архив* Российской Федерации (ГАРФ).
6. *Сибирские отголоски*. Томск.
7. *Русская мысль*. М., 1912. Кн. 2.
8. *Михайловский И.В.* Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908.
9. *Малиновский И.А.* Кровная месть и смертные казни. Томск, 1908. Вып. I. Ч. I.
10. *Малиновский И.А.* Начальная страница из истории смертной казни. СПб., 1909.
11. *Малиновский И.А.* Кровная месть и смертные казни. Томск, 1909. Вып. II. Ч. III.
12. *Малиновский И.А.* Русские писатели-художники о смертной казни. Томск, 1910.
13. *Воробьев В.В.* Избирательная кампания в III Государственную думу в Сибири в отражении местной либерально-буржуазной печати // Выдающиеся государственные деятели России XVIII–XX вв. Материалы научно-практической конференции и дискуссии на тему «Какой правитель нужен России?». Омск, 1996.
14. *Михайловский И.В.* Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910.
15. *Струве П.Б.* Либерализм, демократия, консерватизм и современные движения и течения // Полис. 1994. № 3.
16. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1.
17. *Новикова Л., Сиземская И.* Идеи истоки русского либерализма // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
18. *Новикова Л., Сиземская И.* Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
19. *Михайловский И.В.* Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство. Б.м., б.г.
20. *Новомбергский Н.Я.* Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1) // Журнал министерства юстиции. 1915. Март.
21. *Боголепов М.И.* Финансы, правительство и общественные интересы. СПб., 1907.
22. *Новомбергский Н.Я.* Кафедра истории русского права в российских университетах. Пг., 1915.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2012 г.